

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ В СССР–РОССИИ

УДК 330.8

ПЕРИОД «ШОКОВОЙ ТЕРАПИИ»* (1992–1998)

Г.И. Ханин

Новосибирский государственный
технический университет;
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС),
Новосибирск

khaning@academ.org

В статье, являющейся продолжением воспоминаний («Непрошенный советник» и др.)**, рассматривается учебная, научная и общественная деятельность автора в 1992–1998 годы. Рассказываются о перипетиях, связанных с защитой докторской диссертации, участии в создании Сибирского Независимого Университета, преподавании в Сибирском институте международных отношений, участии в научных конференциях в России и за рубежом. Дается характеристика ряда известных российских и зарубежных экономистов. Излагается содержание научных работ автора в этот период. Объясняется отношение к важнейшим общественным и экономическим событиям в России, особенно к политике шоковой терапии и ее влиянию на различные аспекты экономики.

Ключевые слова: Российская экономика, шоковая терапия в России, российское высшее образование, российская банковская система, альтернативные оценки российской экономики.

THE PERIOD OF “SHOCK THERAPY” (1992–1998)

G.I. Khanin

Novosibirsk State Technical University ;
Siberian Branch of the Russian
Presidential Academy, Novosibirsk

khaning@academ.org

The article is a continuation of the memories (“The Unsolicited Advisor” etc.). It considers the educational, scientific and public activity of the author in the years 1992-1998. The article tells about the twists and turns related to doctoral thesis defense, participation in the creation of the Siberian Independent University, lecturing in the Siberian Institute of International Relations, participation in scientific conferences

---

* Начало. Окончание в следующем номере.

** Ханин Г.И. Непрошенный советник // Идеи и идеалы. – 2012. – № 4 (14). – Т. 2; В Туве // Идеи и идеалы. – 2013. – № 2 (16). – Т. 2; О моих современниках // Идеи и идеалы. – 2012. – №1 (11). – Т. 2; О моих современниках // Идеи и идеалы. – 2011. – № 4(10). – Т. 2.

in Russia and abroad. Characteristics of a number of prominent Russian and foreign economists are given. The article presents the content of the scientific works of the author in this period, it explains the attitude to critical social and economic developments in Russia, especially to the policy of “The Shock therapy” and its impact on various aspects of the economy.

Key words: Russian economy, “Shock therapy” in Russia, Russian higher education, the Russian banking system, alternative estimates of the Russian economy.

Реакция на начало «шоковой терапии»

Сразу после Нового 1992 года я приехал в Москву. Это было связано с последними приготовлениями к защите докторской диссертации. Так что начало практической реализации гайдаровских реформ я наблюдал в Москве и мог увидеть реакцию на них коллег-экономистов и населения.

Мне прежде всего запомнился в выходной день совершенно пустой магазин тканей около метро Таганского. Изумленный этой пустотой, я спросил у продавцов, насколько выросли цены тканей по сравнению с предновогодним уровнем. Когда они сказали: «В 8-10 раз», я не поверил своим ушам. Это казалось невыносимым, не укладывалось ни в какие разумные рамки. Рост цен на продовольственные товары был меньше, поскольку они (за исключением регламентированных) были «отпущены» раньше, но тоже огромным. Поражали цены в коммерческих киосках на продовольственные и непродовольственные товары. Когда мы впервые после отпуска цен собрались вместе (Селюнин, Белкин и я) на квартире Селюнина, у всех было ощущение шока. Я спросил: «Кто может покупать по этим ценам?» Сошлись на том, что торговцы покупают друг у друга. Но где же конечный покупатель? Точнее, конечный источник денежных средств у торговцев? Тогда мы не могли ответить на этот вопрос. Я много сил впоследствии потратил для ответа на этот вопрос.

Побывал я тогда же в Экспертном институте Российского союза промышленни-

ков в связи с обещаниями Ясина использовать мои оценки в их практической деятельности. Алексапенко и Ясин были растеряны, как и все мы. Ясин был в состоянии шока и говорил, что не остается ничего другого, как расстреливать спекулянтов.

Стало ясно, что гайдаровские реформы пошли совсем не так, как планировалось, и приводят к катастрофическим последствиям. Нетрудно было сообразить, что за катастрофическим сокращением спроса последует и столь же катастрофическое падение производства. Когда появились первые сводки ЦСУ РСФСР, это полностью подтвердилось. Сокращение производства было огромным. Подтвердились мои опасения периода пребывания в Стокгольме в отношении последствий «шоковой терапии». Уже в седьмом номере ЭКО за 1992 год я подробно показал масштабы развернувшегося кризиса и предсказал его большую длительность и трагические последствия для российской экономики. Затем из года в год, часто по несколько раз в год, я печатал в ЭКО свои экономические обзоры, показывавшие углубление кризиса. Особенно меня тревожило огромное сокращение производственных инвестиций и расходов на науку и высшее образование.

Быстро выявился раскол среди прежних друзей-единомышленников в связи с отношением к экономической реформе. Наиболее болезненными для меня были все усиливающиеся разногласия с Селюниным. Они начались еще в предыдущий период в связи с отношением к личности

Ельцина. Теперь они распространились на отношение к «шоковой терапии». Селюнин стал радикальным реформатором еще в 1989–1990 годах. Но тогда и я им был. После Стокгольма я пересмотрел свои взгляды, а Селюнин остался при прежних, и даже огромные экономические неудачи не могли поколебать его отношения. Он считал их неизбежными издержками радикального реформирования (это проявилось еще в 1990 году при оценке польского эксперимента первоначально с теми же результатами, что и в России в начале 1992 года). И последствия для уровня жизни населения он старался минимизировать. Однажды я не сдержался и предложил ему пожить недельку на пенсию. В то же время сам он, в отличие от многих его единомышленников, не извлекал больших материальных выгод из близости к правительственному курсу и впоследствии к правительственной партии «Выбор России», от которой он был депутатом Государственной Думы первого созыва, с которым очень считалось руководство партии.

Селюнин до конца жизни жил в прежней весьма скромной квартире.

Очень близкими к моим оказались взгляды Виктора Волконского. Белкин занимал промежуточную позицию.

Из впечатлений от начала «шоковой терапии» в Москве упомяну еще одно – от грязи на улицах Москвы. Казалось, ее совсем перестали убирать.

Тяжелейшее впечатление производили на меня последствия «шоковой терапии» на жизнь населения. Особенно угнетало и потрясало массовое нищенство; внешне приличные интеллигентного вида люди рылись в поисках пищи в контейнерах для сбора мусора. Некоторые мои родственники многие месяцы не получали зарплаты, и

нам приходилось под благовидными предлогами, чтобы не обидеть, помогать им материально. В то же время бросались в глаза приметы вопиющей для России роскоши у многих предпринимателей, чиновников и лиц с бандитской внешностью. И эти два явления трудно было не связать причинной зависимостью. Казалось, российский капитализм поставил себе цель подтвердить уничтожающую характеристику, которую десятилетиями давала ему советская пропаганда и которой плохо верили многие интеллигенты.

Медленно умирал и Академгородок. Ассигнования на научные исследования сократились в целом по России в невероятные почти 10 раз, и он стал жертвой этих драконовских сокращений. О закупке оборудования, материалов и научной литературы уже не могло быть и речи. Нищенскими оказались зарплаты рядовых научных сотрудников и преподавателей НГУ. Да и они часто месяцами не выплачивались. На моих глазах из Академгородка исчезали от безысходности многие прекрасные научные сотрудники – и Академгородок от этого потускнел. В то же время обогащались руководители институтов, которых вполне устраивало состояние науки, и они не хотели никаких реформ в ней.

В лучшем положении находились в это время экономисты. Некоторые из них перешли в банки и другие коммерческие структуры, где хорошо платили. Другие преподавали в расплодившихся учебных заведениях экономического профиля, нередко сразу в четырех-пяти. Ни о каком повышении квалификации при этом речи, естественно, не могло быть: дай бог успеть на занятия. Плоды этого мы пожинаем до сих пор. Именно тогда родилось выражение о преподавателях, которые де-

лают вид, что учат, и студентах, которые делают вид, что учатся.

Мы как раз испытывали в этот период минимальные материальные тяготы. Дело в том, что я неплохо заработал в Стокгольме в 1991 году. И во-вторых, что было существеннее, получил в наследство от умершей в 1993 году тетушки большую квартиру в Москве в прекрасном районе – около метро. По доброте душевной мы поделились половиной наследства с очень далеким родственником-москвичом, который многие годы помогал тетушкам, за что заслуживал вознаграждения. Эту квартиру мы продали. Если бы продержали ее еще несколько лет, могли бы выручить во много раз больше. Но и этих средств хватало (вместе с моими и жены текущими заработками) не только на безбедное существование, но и на приобретение квартиры большей площади в более новом высотном доме.

Таким образом, материально от реформ я даже выиграл. Равно как и в возможности публикаций, не подвергавшихся цензуре, возможности заниматься преподавательской деятельностью и ездить за границу. Не могли не радовать относительные политические свободы. Но мои нравственные, гражданские и профессиональные чувства были сильнее меркантильных. И я был убежден, что этот «шир во время чумы» очень печально кончится.

Крушение российской экономики в начале 90-х годов уже тогда заставило меня начать пересматривать прежнее, преимущественно негативное отношение к советской экономике, особенно сталинского периода. Контраст между созданием советской эпохи и деградацией экономики периода рыночных реформ был слишком очевиден, чтобы не обратить на

это внимание. В одной из статей в газете Академгородка «Наука Сибири» весной 1993 года, посвященной текущему состоянию российской экономики, я противопоставил незадачливых хозяйственников того периода «маршалам советской индустриализации». Эта статья вызвала гневную отповедь двух местных историков. Они опубликовали огромную полемическую статью в той же газете, обвиняя меня в сталинизме. Любопытно, что одна из авторов еще недавно защищала вполне правоверную диссертацию по истории Красной гвардии, а теперь превратилась в яростного антикоммуниста. Это очень частое превращение того периода, явно по меркантильным соображениям, было одним из отвратительнейших явлений идейной жизни того времени. Я считал напрасной тратой времени полемизировать с этой статьей.

В конце 1993 года я принял участие в большой международной конференции, организованной Интерцентром, который возглавляли Т.И. Заславская и Теодор Шанин на деньги Сороса. Но этой конференции предшествовали события 3–4 октября 1993 года, о реакции на которые я хочу рассказать, тем более что они сказались и на этой конференции.

В конфликте Ельцина и Верховного Совета мои симпатии почти с самого начала были на стороне Верховного Совета. Это определялось, прежде всего, разрушительными процессами во всех областях жизни общества с начала 1992 года. Хотя определенная вина была и у законодательной власти (подробнее об этом я пишу в 3-м томе своей книги по экономической истории России в новейшее время), основную вину я возлагал на действия исполнительной власти. Меня возмущали не толь-

ко ее действия в экономической политике, но и ее чудовищная коррумпированность и некомпетентность, о которой было хорошо известно и из СМИ (в том числе и иностранных), и от очевидцев. Критика со стороны депутатов Съезда народных депутатов, Верховного Совета выглядела достаточно обоснованной и соответствовала моим собственным умозаключениям и выводам. Конечно, не все высказывания депутатов были мне симпатичны. Были и явно экстремистские. Но их было меньшинство. Большинство выступало за умеренно-радикальные рыночные реформы, борьбу с коррупцией и криминалитетом.

Я с тревогой воспринимал действия Ельцина в его конфронтации с Верховным Советом начиная с весны 1993 года. Особенно эта тревога возросла после его решения о роспуске Верховного Совета в сентябре. Расстрел здания Верховного Совета меня буквально потряс. Я был сам не свой от возмущения. Когда Селюнин вместе с рядом других «демократов» после этого расстрела подписал письмо, требующее закрытия всех оппозиционных СМИ и роспуска оппозиционных партий и организаций, я написал ему возмущенный ответ. Он был очень задет этим письмом и не ответил на него.

В декабре состоялись выборы в Государственную Думу, на которых крупную победу одержали коммунисты и жириновцы, а либеральная партия «Выбор России» во главе с Гайдаром (по ее списку шел и Селюнин) потерпела сокрушительное поражение. Это была публичная оплеуха проводившемуся исполнительной властью курсу. Особенно тревожной казалась победа Жириновского, который тогда выглядел почти фашистом. Вот в этой тревожной атмосфере и открылась конференция.

Я был преимущественно на заседаниях экономической секции и на небольшой части заседаний других секций. Но материалы всей конференции были изданы, и я поэтому могу свои личные впечатления расширить за счет их изучения. На мой тогдашний и нынешний взгляд, конференция была организована прекрасно. Это было связано, прежде всего, с ее составом. Организаторы конференции сделали все, чтобы собрать на нее лучшие интеллектуальные гуманитарные силы. Они совершенно не обращали внимание на титулы и звания. Показательно, что кроме самой Заславской (которая ограничилась вступительным и заключительным словом) среди выступавших не было ни одного академика или члена-корреспондента РАН. Были приглашены и выдающиеся ученые-советологи из-за границы: Алек Ноув, Игорь Бирман, Михаил Левин, Филипп Хэнсон, не говоря о самом Теодоре Шанине. Правда, среди приглашенных практически не было представителей левых сил. Это была конференция преимущественно реформистского крыла гуманитарного сообщества.

Обсуждение состояния и перспектив развития России на конференции было чрезвычайно критическим, начиная со вступительного слова Заславской. Исключения были крайне редкими. Критика различалась лишь по степени и направленности. Большинство выступлений были яркими и глубокими. Они говорили, что при всех недостатках в России имеется не так уж мало серьезных и глубоких гуманитариев, пусть даже большая их часть была среди выступавших. Велика была активность слушателей: задавалась масса вопросов, звучали короткие выступления и реплики с места.

Расскажу о наиболее запомнившихся мне выступлениях.

Алек Ноув с ужасом говорил об излишествах потребления русской буржуазией и чиновничеством. Он вспоминал, какие ограничения вводились после войны в Великобритании на потребление предметов роскоши и услуг (например, о поездках на курорты). Он предостерегал, что такая огромная социальная дифференциация может привести к фашизму, и успех Жириновского он связывал именно с этим. Игорь Бирман обращал внимание на пренебрежение правительством Гайдара и его преемниками интересами развития мелкого предпринимательства, считая это преступлением, ибо он является основой капитализма.

Большое впечатление произвело выступление Евгения Старикова – полузабытого ныне экономиста и социолога, ярко и содержательно, хотя и не без преувеличений, выступавшего в период перестройки с обличением реального социализма (его великолепная историко-социологическая работа «Общество-казарма» была написана к 1990 году, но опубликована только в 1996 году). На этот раз он с ужасом рассказывал о крахе оборонной промышленности в Туле и требовал срочного государственного вмешательства в экономику. Такой искренний переход от обличения коммунизма к его хотя бы частичному оправданию впечатлял.

Впечатлило и выступление социолога Ю. Давыдова. Он сравнил буржуазию по характеристике, данной Вебером, с российской буржуазией. Из сравнения следовало, что никакой буржуазии в России нет. Впоследствии этот анализ повлиял на мои исследования по этому вопросу.

О своем выступлении на экономической секции позволю себе рассказать, опираясь на опубликованный текст доклада, и процитировать начало выступления.

Оно покажет, что в основном мои взгляды на российскую постсоветскую экономику сформировались уже к этому времени. «Экономическое положение России характеризуется небывалыми в мировой экономической истории в мирное время масштабами и продолжительностью экономического кризиса, катастрофическим падением уровня жизни населения, стремительным разрушением всех источников экономического развития: производственных инвестиций, системы научных исследований и образования, наукоемких производств, геологоразведочных работ, а также деквалификацией трудовых ресурсов. Накануне краха находятся системы жизнеобеспечения населения: продовольственное обеспечение, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт, здравоохранение. Глубочайший экономический кризис в ближайшее время может превратиться в экономический крах. Толчком к этому могут явиться неблагоприятные климатические условия, массовые социальные волнения, денежно-кредитный кризис и, конечно, осложнения международной обстановки» [1, с. 22]. Сейчас, спустя 20 лет, я готов подписаться под подавляющим большинством этих утверждений, разве что я недооценил накопленный запас советского потенциала и возможность аномально высокого роста мировых цен на нефть в 2000-е годы. Положительно сказался и поворот в государственной политике после прихода Путина на пост президента в сторону укрепления государства, что привело к политической стабильности (а потом и застою), и способность частного сектора к *некоторому* само совершенствованию.

От общей оценки последствий радикальных реформ я перешел к анализу состояния наиболее быстро развивающегося

тогда частного посреднического сектора. Из него читателю станет еще более ясной мой глубокий пессимизм того времени в отношении перспектив российской экономики. Приводимые количественные оценки, насколько мне известно, никем ранее не осуществлялись, как и политэкономические выводы из них (некоторые марксистские политэкономы впоследствии делали их, не опираясь на количественные оценки, по интуиции).

Я констатирую, что «не создан эффективный частный сектор и жизнеспособные рыночные институты. Ныне частный сектор паразитирует на государственном, а новые экономические институты являются псевдорыночными и крайне неэффективными. В нашей стране этот сектор концентрируется в сфере посредничества, и в этом заключается его характерная особенность. При возникновении современного капитализма частный сектор развивался в сфере производства. Однако и в сфере посредничества он оказался крайне неэффективным. По моим примерным расчетам, производительность труда здесь в 2-3 раза ниже, чем в старом государственном секторе. В сущности это большой мыльный пузырь, который должен лопнуть при следующих условиях: а) при истощении ресурсов государственного сектора; б) при уменьшении возможностей уклонения от налогов» [Там же, с. 23]. «В качестве примера неэффективности новых экономических структур можно указать на кредитную систему России. Она крайне неудовлетворительно и намного хуже, чем при командной экономике, выполняет свою традиционную функцию – осуществление расчетов и кассовое обслуживание предприятий и населения. Предоставляемые кредиты слабо обосновываются, и слишком велика вероятность их

невозврата. Состояние экономики и характер деятельности кредитной системы делают весьма вероятным огромный денежно-кредитный кризис и банкротство подавляющего большинства кредитных учреждений» [Там же, с. 23, 24]. Через полтора года, летом 1995 года, разразился крупнейший банковский кризис, а через пять лет, в 1998-м, – еще более грандиозный. В качестве характеристики чудовищной неэффективности российского банковского сектора я привел подсчеты того, что «банковская система России в 1-м полугодии 1993 года реализовала более 10 % валового национального продукта против 2,3 % в США и 0,5 % в дореформенном СССР» [Там же, с. 24].

Из произведенного анализа я делал неоригинальный в целом тогда вывод, что «главная ошибка при проведении экономических и политических реформ в 1990–1991 годах состояла в выборе революционного пути их реализации. Переход от командной экономики к рыночной, государственной собственности к частной – дело нескольких десятилетий. Для сравнения: переход от феодализма к капитализму потребовал столетий» (Там же, с. 24). Относительно новой являлась мысль о том, что «для недопущения паразитирования на государственном секторе частного и создания жизнеспособного вида последнего для командной экономики, с одной стороны, и частной и регулируемой – с другой, создаются отдельные денежные и банковские системы, и отношения между этими секторами строятся как отношения независимых государств» [Там же, с. 24–25]. Пишу «относительно новой», поскольку она выдвигалась несколькими иностранными участниками конкурса 1989 года по конвертируемости рубля и видным тогда российским предпринимателем Артемом Тарасовым

в журнале «Столица» в 1992 году, но была либо забыта, либо не замечена (как предложение Тарасова). Как видно, тогда я еще не усомнился в необходимости рыночных реформ, только в их темпах и технологиях.

Мое выступление вызвало большой резонанс среди участников дискуссии. Это трудно установить при чтении ее материалов, на нее часто ссылались в выступлениях и репликах. Очень одобрительно о ней отозвался Игорь Бирман, хотя наши позиции тогда уже сильно разошлись. Он, как и Стариков, поздравил меня с выступлением. А от Игоря Бирмана нелегко было дожидаться похвал.

Мне запомнился один вопрос при обсуждении моего выступления. На вопрос известного социолога Л. Гордона, в чем главная причина неудачи реформ, я ответил: в отстранении КПСС от власти. Из власти был вырван стержень, другого не нашлось. Он с этим согласился, сообщив, что предупреждал об этом еще в 1991 году.

Теперь, перечитывая материалы конференции, я обнаружил (не помню, почему я его не слышал) совершенно великолепное выступление Андрея Белоусова с блестящим анализом развития советской экономики в послевоенный период и постсоветской экономики со столь же мрачными ее перспективами, нарисованными мной (как ни странно, в начале 2010 годов его назначили министром экономики, а в 2013 году – даже помощником Президента РФ).

Из других выступлений на конференции по тексту очень отличались яркостью и убедительностью-прозорливостью выступление В.Б. Пастухова с анализом политической системы России и Юрия Левады о роли интеллигенции в постсоветской России. С большим интересом ожидалось выступление Михаила Гефтера – очень ува-

жаемого историка. Оно очень разочаровало меня и Игоря Бирмана своей витиеватостью. Запомнилось только осуждение действий обеих сторон во время событий октября 1993 года и предложение о создании комиссии по расследованию этих событий. Возможно, сказалось болезненное состояние Гефтера (он вскоре умер).

Ежегодные конференции Интерцентра продолжались до конца века. Несмотря на удачное выступление в 1993 году и совсем неплохую научную репутацию, больше меня на них не приглашали. Я не входил в московскую тусовку. Но более важным было то, что мои взгляды опять не вписывались в мейнстрим, на этот раз либеральный, состоящий в подавляющем большинстве из бывших членов КПСС, «прозревших» в перестройку до поворота на 180 градусов. В «демократической» России нравы мало изменились по сравнению с СССР; к счастью, изменились к лучшему условия. Журналам для тиража нужны были интересные и содержательные статьи, хотя бы в некотором количестве. Мне этого было достаточно. Никогда в тусовках не нуждался. Но журналы читали все хуже. А конференции давали возможность сообщить о результатах своих исследований более широкой аудитории.

Защита докторской диссертации

После статьи в № 17 «Коммуниста» за 1989 год стала реальной защита моей докторской. С помощью Виктора Волконского я согласовал этот вопрос с руководством Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ). В то время была запущена длительная процедура, призванная обеспечить отсечение некачественных диссертаций (но даже тогда делавшая это далеко не удовлетворительно). На первом этапе

она включала обсуждение диссертации по месту работы. Здесь у меня особых трудностей не предвиделось. Правда, некоторые тувинские экономисты-сотрудники отдела и в аппарате правительства отнеслись к ней (и ко мне) неодобрительно, но они не решились прийти на обсуждение. Для моей поддержки по просьбе Ажищева приехал Павел Медведев. Это было очень благородно с его стороны. Обсуждение прошло вполне благополучно, и положительный отзыв был получен. Следующие обсуждения происходили уже в ЦЭМИ в лаборатории Волконского, но с приглашением и сотрудников других лабораторий. Оно было более тщательным, на основе текста диссертации и весьма квалифицированным. Были частные замечания и возражения, но не принципиальные. В качестве внешнего рецензента выступал институт Госплана СССР, но и он дал (не без проблем) положительный отзыв. Во время всей этой процедуры обсуждения в коридоре ЦЭМИ я встретил Ясина, с которым ранее не был знаком. Он сказал: «Мне предлагают быть оппонентом по Вашей диссертации, но я не совсем с ней согласен». Я ответил: «Вот и хорошо, для этого и нужен оппонент». Он, кажется, был другого мнения, для чего нужен оппонент, и так и не стал моим оппонентом. После этого наступил длительный перерыв, связанный с моей поездкой в Швецию. Но при кратковременных поездках из Стокгольма в СССР я заезжал в ЦЭМИ, и поезд защиты продолжал свое движение. В конце концов, защиту назначили на январь 1992 года. Ничто не предвещало серьезных неприятностей, да и они очень редко возникали в современной России на самом последнем этапе длинного марафона по защите диссертаций. Но со мной всегда что-то случалось. Случилось и на этот раз. За

три дня до защиты мне позвонили домой из какой-то административной структуры ЦЭМИ и попросили подготовить «болванку» или «рыбу» (для незнакомых с этой практикой поясню, что речь идет о тексте отзыва, который оппонент с небольшими изменениями подписывает) для официального оппонента Перламутрова. Я, конечно, слышал об этой практике (видимо, только в СССР и его социалистических союзниках), и она всегда вызывала у меня возмущения. Но мне самому с ней не приходилось сталкиваться. Я сразу понял, что здесь произойдет серьезный конфликт. И притом накануне защиты. Я почти не спал ночью. Мне предстояло решить, что предпочесть: возможность срыва защиты (а ведь дело-то, казалось, пустяковое: всего лишь потратить полчаса на сочинение «болванки») или потери достоинства. Из моей прежней жизни должно быть ясно, *что* я выбрал. На следующее утро я позвонил в приемную директора ЦЭМИ Макарова и попросил о встрече. В кабинете Макарова был и его первый заместитель Д. Львов. Я рассказал о проблеме и изложил свое возмущение тем, что диссертанта заставляют писать отзыв на его диссертацию вместо того, чтобы ее писал оппонент, назвав это развратом. Макаров и Львов согласились с моей позицией, пообещав поговорить с Перламутровым. Согласиться с Перламутровым для них означало потерять лицо передо мной, который тогда был очень авторитетен. Но и абсурдность самого предложения им, конечно, была ясна.

В день защиты в небольшом зале собралось человек 20-25. Случись защита на 2-3 года раньше, присутствующих, уверен, было бы намного больше. Но в январе 1992 года, когда все рушилось и научные сотрудники получали нищенскую зарпла-

ту, им было не до проблем советской статистики. Помимо членов диссертационного совета пришли мои старые друзья и сторонники (среди них хорошо помню Селюнина, Виктора Белкина и Отто Лациса, который покинул «Коммунист» после запрета КПСС и работал заместителем главного редактора «Известий», а также моего бывшего студента Валерия Зоркальцева). Виктор Волконский был членом диссертационного совета. За 5 минут до начала работы совета открылась дверь и вошел Перламутров, бросил на стол свой отзыв и вышел. Отзыв был короткий и положительный. Сразу хочу отметить, что последующая (раньше я с ней был мало знаком) научная деятельность Перламутрова показала, что он был весьма достойный ученый и человек. И действовал в данном случае не из вредности или особой развращенности, а в силу многолетней практики в таких делах. Ее нарушение показалось ему тогда нарушением неписаных правил, возможно даже вызовом.

Не стану описывать весь процесс защиты – он хорошо известен научным работникам. В начале выступления-доклада я немного волновался, но спустя пару минут успокоился. Из вопросов после доклада запомнился один, который касался математической стороны расчета индекса. Я в этих вопросах всегда был слаб и ответил ответил неудачно, ошибочно. Обсуждение было непродолжительным и скучным, что тоже было, уверен, связано с общей атмосферой того времени.

Результат голосования: против два голоса. И тут наступил следующий критический момент, который я понял только спустя долгое время. Полагалось пригласить после защиты членов диссертационного совета на банкет. Я же только поблагода-

рил их. Отметить защиту в близлежащий ресторан я пригласил только Валерия Зоркальцева (Селюнин ушел, не дожидаясь результатов голосования). Спустя несколько лет я узнал от Игоря Бирмана, что в ЦЭМИ не хотят слышать моего имени. Уверен, что это было связано с этими двумя эпизодами защиты, больше с отсутствием банкета. Мои действия были прежде всего связаны с 25-летней изоляцией от каких-либо защит; я просто забыл об этом обычае. Но думаю, что даже если бы мне напомнили, скорее всего отказался бы, считая его аморальным: какое может быть объективное голосование, если ты знаешь, что будешь угощен защищающимся? Чего ради я должен кормить людей только за то, что они оценили мои профессиональные качества? Впоследствии редкие посещения защитных банкетов в разных новосибирских вузах, где я был членом диссертационных советов, произвели на меня удручающее впечатление и процедурой, и разговорами во время банкета. Слышал, как отмечают защиту в западных университетах. Сама защита, по рассказам, гораздо менее напоминает спектакль, чем в СССР и современной России. Решение принимают несколько квалифицированных профессоров, специалистов по теме защиты.

Думаю, что эти два эпизода сыграли немалую роль в негативном отношении ко мне части московского экономического сообщества. Мне остается только пожалеть эту часть за мелочность. Тем не менее в 2000-е годы несколько моих статей в соавторстве с Д. Фоминым было напечатано в журнале ЦЭМИ. Для рейтинга журналов имело большее значение качество статей, чем характер авторов.

Через несколько месяцев диссертация была утверждена ВАКом. Лучше от этого я не стал, но зарплата повысилась.

Сибирский независимый университет

После возвращения из Швеции пора было определяться с работой. Я по-прежнему числился в Институте интеллектуальных технологий и Новосибирском университете (по совместительству). В первом, как и в других, дела пошли совсем плохо, и я получал там зарплату мало и редко, во втором в связи с моим отъездом мои занятия не были запланированы на второй семестр. Серьезных материальных проблем это не создавало, поскольку шведских накоплений хватало надолго. Но я просто не мог тогда оставаться без дела. Вопрос решил случай.

В начале 1992 года в Доме ученых состоялась многолюдная дискуссия о судьбах российской науки. Малый зал Дома ученых вместимостью примерно в 150 человек был переполнен, стояли и сидели и в проходах, атмосфера была накалена. Выступили несколько человек с отчаянными рассказами о положении в институтах. Позитивных выступлений не помню. Предоставили слово и мне. Мой авторитет в Академгородке после «Лукавой цифрь» был высок, и ко мне прислушивались. Я рассказал о положении в экономике и сделал вывод, что науке и вузам ожидать серьезных денег от правительства в ближайшие годы не следует. Остаются два выхода: уезжать за границу или создавать в России независимые негосударственные научные и образовательные учреждения. Я сказал, что ожидать возрождения государственных вузов и НИИ тоже бессмысленно. Это мертвые бюрократические учреждения. При этом сослался на свою старую (1988 года) статью о науке. Я видел, что мое выступление произвело сильное впечатление. Отмечу, что подавляющее большинство присутствовавших

(я запомнил эти умные и энергичные лица) вскоре покинули Академгородок. Очевидно, что уехали на Запад или в Израиль.

Через несколько недель мне позвонили и предложили встретиться по поводу возможности создания независимого вуза. На встречу пришли два относительно молодых человека лет 30 – физик и математик, сотрудники Сибирского отделения РАН. Один из них был сыном очень известного в СССР ученого академика Шемякина, долгое время – председателя ВАКа. Они сослались на мое выступление и предложили объединить наши усилия по созданию предлагавшегося вуза.

Мы наметили общий план деятельности и разошлись. Вскоре Шемякин с другом представили проект устава вуза. Он был составлен по образцу западных университетов, что мне импонировало и на чем я настаивал с самого начала. Нужно было выбрать название. Я предложил в качестве названия Сибирский независимый университет (СНУ), т. е. уже в названии подчеркнуть его независимый от государства характер. Его приняли. Вскоре меня познакомили с предполагаемым ректором – Александром Филипповичем Ревуженко, доктором физико-математических наук, сотрудником Института горного дела СО РАН. Он производил хорошее впечатление. Лето ушло на решение организационных вопросов, в которых я принимал минимальное участие. Так или иначе уже в начале осени 1992 года университет был зарегистрирован. Он был первым частным высшим учебным заведением в Новосибирске и, возможно, вообще в Сибири. Да и в России их было тогда совсем немного. Чтобы не возвращаться больше к этому вопросу, отмечу, что Шемякин-младший и его друг, поработав некоторое время в СНУ (Шемякин – проректором),

вскоре после создания Университета эмигрировали в США. Но они сыграли в его создании огромную роль, как, конечно, и Ревуженко. Никаких подробностей их деятельности по созданию СНУ я не знаю. Думаю, что немалую роль, как это всегда было в России, сыграли личные связи, особенно Ревуженко.

Теперь надо было проверить, работает ли эта структура в очень специфических условиях России.

Скажу честно, что над этими вопросами я мало задумывался. На меня огромное впечатление производили успешная по литературе и личным впечатлениям деятельность западных (преимущественно английских и североамериканских) вузов, и я думал или надеялся, что того же можно добиться в России. В этом отношении я так же заблуждался, как и радикальные реформаторы в экономике в России в этот период.

Только в 2000-е годы, внимательно изучив историю становления частных вузов США, я обнаружил, с каким огромным трудом они создавались и сколь решающую роль в их создании играло финансовое содействие богатых людей и различных церквей, иногда и государства. В создании английских вузов решающую роль играла католическая церковь. Немалую роль играло и государство. Так, в 1863 году в США был принят закон, позволяющий штатам наделять вновь создаваемые штатные вузы землями, за счет продажи которых или сдачи в аренду они могли развиваться. В России в начале 1990-х годов невозможно было рассчитывать ни на серьезное финансирование со стороны частного капитала (он для этого созрел лишь в середине 2000-х), ни церквей. Не собиралось помогать частным вузам и государство, хотя и должно было, хотя бы из идеологических соображений.

По крайней мере, наиболее сильным и перспективным. Но для этого надо было иметь умное государство. Единственный частный вуз в РФ, который тогда преуспевал в материальном отношении, был Международный университет Гавриила Попова, создававшийся при огромной международной поддержке и поддержке мэрии Москвы. Впрочем, он не добился столь же крупных успехов в обучении и науке (если вообще каких-то: не в коня пошел корм).

Если бы я заранее продумывал эти вопросы, вряд ли пустился бы в казавшееся безнадежным дело. Но иногда и незнание может сыграть положительную роль.

После регистрации СНУ попечительский совет избрал Ревуженко ректором, а меня деканом экономического факультета. Президентом СНУ был выбран академик Решетняк – один из самых уважаемых математиков в СО РАН и очень порядочный человек. Это было очень удачным решением. Ни один вуз в Новосибирске и даже в стране, кроме нескольких, не возглавлялся академиками. Конечно, роль Решетняка в повседневной деятельности СНУ была минимальной (скорее всего, он сам от этого отстранялся, что обычно для крупных ученых). Но то обстоятельство, что университет возглавлялся академиком, повышало его престиж. Кроме того, в организации СНУ принимали участие член-корреспондент СО РАН, известный и уважаемый историк (бывший диссидент) Н. Покровский и еще один крупный математик Леонид Бокуть. Даже небольшое участие видных ученых в деятельности нового университета должно было, по моему мнению, повысить его престиж среди вузов Новосибирска и всей Сибири.

В качестве первых факультетов были избраны экономический и гуманитарный.

Эти специальности тогда пользовались наибольшим спросом и требовали минимума материальных вложений. Так поступало подавляющее большинство частных вузов. Молчаливо предполагалось, что затем последуют и другие.

О создании нового вуза появилось сообщение в местной печати. Меня пригласили на новосибирское радио для интервью. Самый интересный вопрос был следующий: в Новосибирске уже есть один университет, зачем нужен еще один? Я мог бы проявить дипломатию и ответить просто, что конкуренция всегда полезна. Но я ответил так, как думал. Я сказал, что достижения естественных факультетов НГУ очевидны по результатам деятельности их выпускников. Но я не могу этого же сказать о выпускниках экономического факультета: я не вижу у них, за единичными исключениями, ни крупных научных (к ним я теперь отношу почти незамеченную книгу иркутского экономиста Ю.М. Березкина об организации финансов в постсоветской России; Владимир Конторович учился в аспирантуре в США), ни хозяйственных достижений. Много не нравится мне и в организации учебного процесса, в чрезмерном внимании к математике в ущерб экономике. Я и теперь так же думаю.

Мое радиовыступление имело быстрые последствия. Я собирался совмещать работу в СНУ и НГУ. В НГУ предстояли мои выборы в профессора (до этого я был и.о. профессора). На экономическом отделении на выборах, состоявшихся до моего выступления, большинство (хотя и небольшое) проголосовало «за». На выборах общим собранием ученого совета уже после моего выступления большинство было «против». Это было наказанием за нелестное высказывание об одном из аспектов де-

ятельности университета. Мысль, что я мог быть прав, в голову голосовавшим «против» не приходила. С тех пор никаких контактов с экономическим факультетом НГУ у меня не было.

Уже осенью 1992 года был объявлен набор в СНУ. Сначала только на вечернее отделение. На экономическом факультете (а был еще гуманитарный факультет, готовивший филологов и социологов) была набрана небольшая группа.

У нас не было помещения, и первые занятия пришлось проводить, если память мне не изменяет, в какой-то школе. Но вскоре арендовали помещение в Новосибирском государственном техническом университете, который нуждался в средствах. У меня сохранились очень хорошие воспоминания о первом курсе. Среди студентов преобладали мужчины, что было не характерно для экономического факультета, где обычно больше женщин. Среди студентов было несколько демобилизованных офицеров, технарей и даже математиков – выпускников НГУ. Это было их второе образование. Они начинали свою деятельность в качестве предпринимателей и нуждались в экономических знаниях. Таким образом, заодно я познакомился и с предпринимателями – настоящими и будущими. Студенты производили очень хорошее впечатление. Они быстро усваивали курс и охотно занимались. С ними было интересно заниматься. Запомнился мне один особо интересный молодой студент, который вскоре прекратил учебу, – Филев. Впоследствии он возглавил одну из крупнейших в России авиакомпаний – «Сибирь», которая существует до сих пор. Как ему удалось ее создать, видимо, очень интересная история. Тогда такие стремительные восхождения были не редкостью.

Полноценный учебный процесс начался осенью следующего года после набора студентов дневного отделения. На экономическом факультете был конкурс (кажется, два человека на место). Со всеми прошедшими конкурс по итогам экзаменов до зачисления я довольно долго беседовал, чтобы составить общее представление об их интеллектуальном уровне и принять окончательное решение о приеме. Впечатление было неплохое.

Для проведения дневных занятий требовалось уже постоянное помещение и твердый учебный порядок. Дальнейшие подробности могут показаться излишними и скучными. Я их привожу не только потому, что работа в СНУ – важнейший период в моей жизни, но и для того, чтобы показать место частных вузов в российском образовании и проблемы, возникавшие у них.

Моими заместителями стали мои бывшие студенты, продолжавшие работать в Институте экономики, – Ольга Владимировна Кузнецова и Лариса Ивановна Лугачева. Они, особенно О.В. Кузнецова, которая была очень активна и предана идее создания нового учебного заведения, сняли с меня многие административные заботы. Секретарь факультета Надежда Николаевна (к сожалению, забыл ее фамилию) была очень добросовестна и любима студентами за доброе и внимательное к ним отношение. Без них я никогда не смог бы руководить факультетом. Я пригласил заместителями преподавателей НГУ, которых хорошо знал и ценил по их научной работе или по журналистской деятельности, как Владимира Петровича Бусыгина – первого заместителя главного редактора ЭКО, статьи которого в журнале меня восхищали своей глубиной и яркостью; сильных экономистов

из Института экономики Юрия Петровича Воронова и Павла Николаевича Теслю. Из «аутсайдеров» я пригласил только преподавателя истории Дорошенко – диссидента и тонкого знатока истории, который меня восхищал обоими качествами, предпочтя его более именитым, но менее интересным историкам. Очень удачным оказался выбор преподавателей иностранных языков. Они оказались весьма квалифицированными и увлеченными своим делом людьми.

Что касается учебного плана, то он формировался мною по собственному разумению и заметно отличался от учебных планов других экономических учебных заведений по той же специальности в сторону большей целесообразности для обучения специальности (банковское дело). Часть обычных, но менее полезных дисциплин была исключена и введены новые, более важные. Такая возможность обеспечивалась большими правами, предоставленными уставом университета, и отсутствием какого-либо контроля со стороны надзорных органов. В этом проявилось огромное достоинство частного учебного заведения. К сожалению, тогда я еще не понял, что ошибочны не отдельные стороны, а вся концепция современного экономического высшего образования, не нацеленного на формирование прежде всего способности анализировать состояние экономики страны и ее институтов. В основу обучения следовало (и следует) положить, как и рекомендовал Шумпетер, три курса: экономическую теорию (уверен, что он имел в виду политическую экономию, а не модную сейчас во всем мире макро- и микроэкономику), экономическую историю и статистику, плюс хорошую гуманитарную и языковую подготовку. К последнему предмету из «списка Шумпетера» я бы добавил уме-

ние анализировать статистические данные, в том числе находить и исправлять в них ошибки, что всегда было важно в России. Этому я учил студентов в НГУ и – сколько позволяло время – в СНУ. Но здесь нужна постоянная тренировка.

В университете была установлена высокая для того времени оплата труда – в три раза выше, чем в государственных вузах. Это, конечно, привлекало к работе преподавателей. К тому же зарплата, в отличие от государственных вузов, выплачивалась своевременно.

Наряду с административной я вел и преподавательскую работу. За время работы в СНУ я в то или иное время вел занятия (читал лекции и проводил семинары) на 4-5-м курсах. Некоторые из них я сам придумывал в интересах лучшего обучения. Если мне память не изменяет, среди них была экономическая история, история банковского дела, анализ экономического положения РФ, в точном соответствии с рекомендациями Шумпетера. Подготовка к новым курсам требовала от меня много времени и усилий. Но зато в процессе я и сам узнавал много нового. Огромную пользу я извлек из чтения выдающейся книги Броделя «Капитализм и материальная цивилизация 18-го века». Она очень много дала мне для формирования логики формирования институтов капиталистического общества, что пригодилось также и для оценки хода экономических преобразований в России и в последующем – при работе над экономической историей России в период перестройки и в постсоветской России. Для подготовки к лекциям по истории банковской системы я ездил в Москву, где прочитал и ксерокопировал несколько фундаментальных западных книг по этому вопросу.

Мне было приятно заниматься со студентами. Они, конечно, в среднем были намного слабее тогдашних студентов экономического факультета НГУ, но вполне восприимчивыми для усвоения предметов. Три-четыре студента в группе выделялись своими способностями, откровенно слабых тоже было 3-4 из 20-22 человек. Большинство студентов было средними. В конце 1970-х годов в первом варианте своей книги я придавал огромное значение деградации генофонда советского народа в упадке советской экономики как результату войн и репрессий советского времени. Это очень важное для меня соображение я извлек не только из бесспорных исторических фактов, но и из наблюдения потрясавших меня общественной пассивности и приспособленчества, которые я наблюдал в организациях, где приходилось работать, и в массовом поведении советских граждан в период брежневского «застоя». Наблюдая за учебными результатами моих студентов, я не обнаружил какой-то заметной умственной деградации. Я принимал за деградацию сложившуюся за столетия деспотизма в России общественную пассивность. Замечу, что это наблюдение об умственном уровне российских студентов подтвердилось впоследствии в других вузах. Плохи были не студенты, а их слабая подготовка в школе и слабые преподаватели в вузах и в тех же школах, что было связано с уродствами системы образования и оплаты преподавателей.

Деградация проявлялась, по-видимому, не в средних умственных способностях, а в числе выдающихся личностей и в волевых и нравственных качествах молодежи.

Я отводил преподаванию и административной работе примерно три дня в неделю. Учитывая большое расстояние от Академ-

городка до места работы (почти два часа в одну сторону), это была большая нагрузка. Особенно тяжело приходилось зимой.

Я был доволен оплатой труда в СНУ. Помимо сравнительно высокой оплаты преподавательского труда, я получал зарплату как декан. Я установил ее на весьма скромном уровне, и она лишь немногим (на 20...30 %) превышала зарплату заместителей декана и преподавателей.

Оглядываясь назад, я обнаруживаю серьезные упущения в своей административной работе. Я плохо контролировал учебный процесс, не посещал лекций преподавателей и даже их учебных программ и билетов к экзаменам, полностью им доверяя. В некоторых случаях это доверие было чрезмерным. Так, при преподавании статистики чрезмерное внимание уделялось математической статистике в ущерб экономической статистике.

В моих упущениях сказалась моя административная неопытность и желание не оставлять занятий наукой. Эффективно совмещать административную, преподавательскую и научную деятельность было практически невозможно, чем-то нужно было жертвовать. Тем не менее уровень подготовки студентов, как показали выпускные экзамены, был совсем неплохим. Но он, конечно, мог быть и выше.

В отношениях с администрацией вуза некоторое время все складывалось вполне благополучно. Я чувствовал со стороны ректора уважение и доверие. Но постепенно начали накапливаться разногласия. Спустя более 18 лет я лучше понимаю их источники.

У меня росла неудовлетворенность положением университета среди других вузов Новосибирска. Скоро стало ясно, что мои мечты о его превращении в образец

для других вузов и лидера высшего образования не сбылись. Он оставался крохотным по сравнению с другими и мало влиятельным, специализирующимся на узком спектре дисциплин. Правда, известным авторитетом и уважением в городе он все же пользовался.

Тогда я связывал эти относительные неудачи с ошибками администрации: слабым привлечением к преподаванию крупных ученых СО РАН, сохранением вопреки уставу вуза многих плохих традиций советского образования в организации руководством вуза, недостаточной рекламой. Теперь я понимаю, что главную роль играли объективные факторы, о чем я уже писал.

Меня не удовлетворяло мое место в вузе. Все-таки я был его идеологом и инициатором. Это быстро было забыто, и с моим мнением практически не считались при руководстве вузом. Оно быстро стало типично советским, где все основные вопросы решал ректор и его ближайшее окружение. Не было даже ученого совета, который в советских вузах хотя бы формально играл роль в руководстве. Одним словом, от западной модели вуза, предусмотренной уставом, почти ничего не осталось. Вызывала возражения секретность в решении финансовых вопросов. Я настаивал на обнародовании бюджета вуза, окладов руководителей. Подал пример, обнародовав на доске объявлений факультета бюджет факультета и оклады руководителей факультета. Эта инициатива не была поддержана. Потребовалось почти 20 лет, чтобы в России начала появляться, хотя и робко, открытость в финансах вузов. Но здесь важен был пример именно частного вуза как образцового и в этом отношении.

Постепенно я приходил к выводу, что моя работа в университете теряет смысл.

В конце концов, убедившись в бесполезности моих попыток что-то поменять в работе университета, я подал заявление об уходе.

При всем том со временем, сравнивая Ревуженко с другими ректорами вузов, где я работал в последующем и где мог наблюдать их деятельность (в НИГУ и СИБАГ-Се я не мог, например, этого наблюдать в силу моего положения), понял, что по человеческим и моральным качествам он был намного их выше. И конечно, без его огромных усилий и дружеских связей СНУ не возник бы и не продержался бы многие годы – до сих пор. Уже в 2000-е годы мы довольно часто встречались и беседовали. Он пытался вернуть меня в университет, но поезд ушел (в конце 2013-го Ревуженко покинул это учебное заведение).

Для меня работа в частном университете была большой радостью. Хотя далеко не все, на что я надеялся, удалось и сбылось. Я благодарен своим коллегам – администрации факультета и преподавателям за сотрудничество. Без их больших усилий и честной работы многого не удалось бы достигнуть. У нас была довольно дружная работа и демократическая атмосфера. Недавно мой коллега Владимир Бусыгин сказал, что он никогда не видел такой демократической атмосферы в вузе. У него не было нужды лицемерить.

Хочу сделать на основе довольно долгой работы в частном университете общий вывод о роли частного высшего образова-

ния в постсоветской России. Сейчас преобладает мнение о его изначальной порочности и бесперспективности. Оно часто изображается как прибежище жуликов. Конечно, у меня нет данных об общем состоянии всех частных вузов. Готов допустить, что среди них много жульнических. Но разве этого нельзя сказать о многих государственных вузах? Как минимум многие частные вузы были не хуже, а нередко и лучше по качеству образования большинства государственных вузов. Другое дело, что они не смогли изменить общее печальное состояние российского высшего образования. Но для этого не было объективных условий, не только материальных. Не хватало убежденных, я бы сказал, фанатичных сторонников частных вузов. Без этого и материальные не помогут, как показал Международный университет Гавриила Попова.

Есть в этой проблеме и другой аспект: хорошо ли платное высшее образование. В 90 годы он меня мало волновал: я рассматривал его как данность. Оно было и в государственных вузах. Вопрос состоял в том, где оно эффективнее. Теперь он для меня не столь очевиден.

Литература

1. Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Международный симпозиум, 17–19 декабря 1993 г. / Междисциплинарный академический центр социальных наук; ред. Т.И. Заславская. – М.: Интерпракс, 1994. – 320 с.